

## СПОРЫ О ДОКУМЕНТЕ, ФАКТЕ, ВЫМЫСЛЕ И ПЛАГИАТЕ В ЛИТЕРАТУРЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© Вячеслав Крылов

## DISPUTES ABOUT DOCUMENT, FACT, FICTION, AND PLAGIARISM IN THE EARLY 20<sup>TH</sup> CENTURY LITERATURE

Viacheslav Krylov

The article deals with the issues of documentalism (“human document”) and with the correlation of fact and fiction in literature, discussed in Russian literary criticism in the late 19th and early 20th centuries. The research has shown how fictional and documentary genres, active in the Russian literature at the turn of the century, raised the problem of evaluating and interpreting these literary phenomena. The article analyzes literary-critical discussions, related to the attitude of critics to such genres as diaries, memoirs, and letters. The analysis is based on publications from the journals “Knizhki Nedeli”, “Severnyi Vestnik”, “Russkii vestnik”, “Russkaia mysl”, “Zvezda”, and “Vseobshchii Ezhemesyachnik”. This interest of criticism in literary documentalism intensified the problem of developing an adequate critical language for its interpretation and evaluation. The article deals with the use of the “human document” concept, which came to Russian criticism from French sources (E. Zola, I. Tan, E. Goncourt). The discussions about “Notes of a Doctor” by V. Veresaev, “The Diary” by M. Bashkirtseva, and about the works of P. Boborykin are examples of complicated, ambiguous attitudes of literary criticism to the problems of non-fiction and fiction. We also consider the problem of plagiarism as a consequence of the new attitude to the material in art that lies outside fiction.

*Keywords:* literary criticism, documentalism, fiction, plagiarism, V. Veresaev, M. Bashkirtseva, P. Boborykin.

Предметом анализа в статье являются проблемы документализма («человеческого документа»), вопросы о соотношении факта и вымысла в литературе, которые велись в русской литературной критике в конце XIX – начале XX века. В ходе исследования выявлено, как активизация художественно-документальных жанров в русской литературе рубежной эпохи поставила перед критикой разных направлений проблему оценки и интерпретации подобных литературных явлений. В статье анализируются некоторые литературно-критические дискуссии, связанные с отношением критики к таким жанрам, как дневники, мемуары, письма. Материалом для анализа выступают публикации из журналов «Книжки недели», «Северный вестник», «Русский вестник», «Русская мысль», «Звезда», «Всеобщий ежемесечник». Обращение критики к документализму в литературе обострило и проблему выработки адекватного критического языка интерпретации и оценки. В статье рассматривается употребление понятия «человеческий документ», пришедшее в русскую критику из французских источников (Э. Золя, И. Тэн, Э. Гонкур). Примерами сложного неоднозначного отношения критики к проблемам документально-художественной литературы стали дискуссии о «Записках врача» В. Вересаева, «Дневнике» М. Башкирцевой, о творчестве П. Боборыкина. Дополнительно рассмотрена проблема плагиата как следствие нового отношения к материалу в искусстве, тому, что находится за пределами художественной литературы.

*Ключевые слова:* литературная критика, документализм, вымысел, плагиат, В. Вересаев, М. Башкирцева, П. Боборыкин.

В последнее время установившийся взгляд на серебряный век как на век поэзии *par excellence*, обязанный, главным образом, ей своими самыми высокими достижениями, корректируется, что получило отражение в академическом томе «Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы.

Проза» [Поэтика...], где большая часть посвящена прозе и тем процессам, которые происходили в повествовательных жанрах. Особенно примечательно в контексте проблематики современного интереса к проблеме синтеза документального и художественного в литературе и искусстве внимание исследователей не к собственно худо-

жественной литературе, а к тому, что именуют по-разному, но чаще всего как художественно-документальная литература.<sup>1</sup> Однако до сих пор теоретическое понимание этого вида литературы оставляет желать лучшего. Современная исследовательница Наталия Яковлева справедливо отмечала: «<...> целый ряд вопросов продолжает оставаться открытым. Над ними стоит задуматься хотя бы потому, что за довольно длинную историю образ писателя, так или иначе работающего в эстетике „документа“, и само понятие „документализм“ претерпели множество метаморфоз. Если писатель, претендующий на это место в литературе, выступал в самых разных и противоречивых ролях „ученого“, „дилетанта“, „протоколита“, „хроникера“, „порнографа“, „психического аналитика“, „фельетониста“, „свидетеля“, то столь же разнообразны были метафоры и определения, в которых оформлялось это понятие. Список их обширен: „литература сплетен и скандалов“, „литература сточных труб“, „правдивая летопись“, „хроника событий“, „фотография с натуры“, „литература факта“, „разговор с собой“ и т. п.» [Веселова, с. 372]. Поэтому обращение к истории литературы, а также к истории литературной критики по названной проблеме может оказаться полезным для современных исследователей.

Уже в 1890-е годы в русской литературе происходит оживление художественно-документальной литературы, присущее «переломным» периодам. Повышенный интерес к факту как «документу действительности» вызывает изменения литературы на жанровом и стилевом уровнях. Многие писатели обращаются к документально-публицистическим жанрам («Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Сахалин» В. Дорошевича, «Павловские очерки» и «В голодный год» В. Г. Короленко, «Несколько лет в деревне» Г. М. Гарина-Михайловского и т. п.). «Толстые» журналы в изобилии публикуют всевозможные дневники, мемуары, путевые заметки. В этом проявилась такая особенность русской литературы конца XIX – начала XX века, как экстенсивность художественного сознания, проявившаяся в расширении «географии», то есть круга изображаемой действительности и мира персонажей разного социального, профессионального статуса. Утверждению документального начала способствовала и активизация натурализма, оставившая

след и в русской литературе.<sup>2</sup> Существенное значение имело и активное развитие в конце XIX века периодической печати с ее установкой на документально достоверный и злободневный материал. Писатели, выходявшие к читателю в основном через журнал и газету, были вынуждены считаться с «законами» периодики. Многие ведущие критики (А. Скабичевский, М. Протопопов, Н. Михайловский, М. Меньшиков, А. Волынский, И. Иванов) писали об ориентации писателей на требования периодики. Некоторые критики в росте влияния средств массовой информации на читателя, в развитии журналистики увидели большую опасность и даже заговорили о «гибели литературы». Приведем характерную цитату из статьи М. О. Меньшикова «О литературе и писателях» (1891): «...Да, литература с каждым днем теряет свое древнее правящее значение, ее внутренняя облагораживающая сила падает, из хозяина литература делается слугою, и даже, как это ни позорно, часто лакеем публики. Не говорите о чрезвычайном развитии журналистики в культурных странах – это-то и есть конец собственно литературе. Журналистика, в ее последнем, логическом пределе, есть репортерство: фотографическое отражение жизни, т. е. всего хаоса мнений данной минуты, потребностей и настроений» [Меньшиков, с. 208].

Отношение критики к произведениям, созданным на документальной основе, было сложным и неоднозначным. В этой связи красноречивой иллюстрацией противоречивой позиции служит общественная реакция на появление книги В. В. Вересаева «Записки врача» (1901).

Знаменитая книга была задумана как «Дневник студента-медика» еще в те годы, когда В. Вересаев был студентом медицинского факультета Дерптского университета. В дневнике Вересаева от 18 мая 1894 г. записано: «И вот я врач. Как скоро прошли эти шесть лет, страшно подумать, и как я сам за это время изменился; подвести бы итог, да не хочется. Кончил я одним из лучших, а между тем с какими микроскопическими знаниями вступаю в жизнь! И каких невежественных знахарей выпускает университет под именем врачей! Да, уж „Дневник студента-медика“ я напишу и поведаю миру много, много, чего они не знают и чего даже не подозревают...» [Нольде, с. 46–47]. Потом книга переросла в «Записки врача». В процессе работы Вересаев использовал огромное количество реального материала: наблюдений, фактов из его медицинской

<sup>1</sup> Теоретические проблемы художественно-документальных жанров неоднократно рассматривались на страницах журнала «Филология и культура» [Ерохина], [Подчиненов, Снигирева], [Крылов].

<sup>2</sup> См. об отношении критики к натурализму и связанному с этим вопросу о соотношении факта и вымысла: [Козлов, с. 45–46].

практики и практики знакомых врачей, а также научных источников (диссертации, лекции, протоколы заседаний медицинских обществ), статистических данных, частной переписки врачей, журнальных и газетных статей. «Записки врача» ведутся от лица автора, но Вересаев «попытки» в них не только свой опыт, но и опыт своих коллег. Подтверждается это и признанием самого Вересаева, и тем, что в его записных книжках часто встречаются и записанные со слов товарищей-коллег факты, которые в записках даны как случившиеся с ним лично» [Там же, с. 49].

Оригинальность «Записок врача» в том, что в книге «вступают во взаимодействие документальное и эмоционально-образное начала; сила документального факта и сила образа. Мощное воздействие на читателя этого „сплава“ во многом было причиной громкой и резкой полемики вокруг произведения» [Завельская, с. 417]. Некоторые из оппонентов ставили Вересаеву в упрек именно «художественность» произведения, то есть способность не просто копировать действительность, а передавать самое важное и существенное и вместе с тем выражать эмоциональное отношение автора к предмету.

Самым крупным выступлением была книга доктора Н. Ф. Фармаковского «Врачи и общество: Мысли врача по поводу „Записок врача“ Вересаева». Фармаковский в предисловии к своей книге пишет, что его работа «имеет целью указать на те стороны дела, которые в силу крайнего субъективизма записок представлены автором или односторонне, или неполно» [Фармаковский, с. 1]. Критик сначала, казалось бы, благодарен автору за то, что тот взял на себя «труд изобразить внутреннюю жизнь врача» [Там же, с. 6]. Но, когда «автор переносит нас в клинику, краски его несколько сгущаются, и впечатление получается не то. *Художественная образность* начинает брать верх над действительностью» [Там же, с. 6] (курсив наш – В. К.). Сравнивая свои впечатления как врача с представленными в книге, Фармаковский упрекает Вересаева в неправдоподобии.

Полемика вокруг книги побудила Вересаева обратиться со специальной статьей «По поводу „Записок врача“ (Ответ моим критикам)». Выражая согласие с некоторыми оппонентами, Вересаев отстаивал важность субъективного взгляда на медицину и врачебный опыт в соединении с обобщением: «<...> они указывают на то, что „Записки“ мои нельзя назвать „Записками врача вообще“, что это лишь „Записки врача Вересаева“. Но я никогда не брался говорить от лица „врача вообще“. Да и что такое – „врач вообще“? Один совсем молодой врач, когда его знакомый,

рассмеявшись за столом, подавился куском мяса, тут же сделал ему перочинным ножом трахеотомию и спас ему жизнь. Другой, уже старый врач, когда в его присутствии дама упала в обморок, так растерялся, что стал кричать: „Доктора! Пошлите скорее за доктором!..“ <...> Конечно, мои „Записки“ суть только „Записки врача Вересаева“. Но само собою понятно, что я не стал бы их опубликовывать, если бы видел в них отрывок из своей автобиографии, что ли. <...> Тем не менее спорить и доказывать, что такое-то переживание типично для врача, – совершенно бесцельно» [Вересаев, с. 652].

Важен был для критики и поиск понятийного аппарата, адекватного языку описания новых литературных явлений. В статье Н. Веселовой «„Человеческий документ“ (Материалы к истории понятия)» дается обстоятельный историко-литературный обзор, посвященный понятию «человеческий документ», оно рассматривается в контексте тенденций западноевропейской и русской литературы, но главным, определяющим фактором к использованию этого понятия явились идеи французского натурализма (Э. Золя, И. Тэна, Э. Гонкура): «выражение „человеческий документ“ появилось в контексте идей „экспериментального“ романа, завоевав неожиданную популярность и связавшись у большинства современников с именем Золя. Метафора писателя как „собираателя человеческих документов“ стояла в общем ряду с образами „аналитиков“ и „признающих авторитет фактов“ „ученых“» [Веселова, с. 373–374]. В рамках нашей темы важно отметить, что все эти метафоры перешли и в язык русской критики и даже академической науки, так как русская пресса чрезвычайно внимательно следила за французской литературой и очень оперативно реагировала на все новинки.

Так, Д. Философов называл Л. Андреева «истинно ценным материалом для изучения современного идейного сдвига, перелома, который произошел в нашей интеллигенции» [Философов, с. 132]. В большой статье Д. Философова «П. Д. Боборыкин (1860–1910)», подводящей итоги обширной литературной деятельности русского натуралиста, возникает любопытное противопоставление Боборыкина и Золя. Боборыкин, воспринимаемый как ученик Золя, это «стерилизованный, лабораторный препарат» [Там же]. Золя, хотя и натуралист, но как только он «собирал свои „протоколы“ воедино, составлял кинематографическую ленту, так все теории его куда-то исчезали. Соединительные звенья ленты были вовсе не „протокольные“, да и по существу не могли быть натуралистичны» [Там же]. Иное впечатление рождает роман Боборыкина «Китай-город»: «Ро-

ман начинается с описания будничной торговой жизни на Ильинке, а кончается банкетом в новом трактире. Селянки, расстегаи, ботвиньи. Новая „машина“ оглушительно трещит победный хор: „Славься, славься, святая Русь“ Но ни Москвы, ни Китай-города в романе все-таки нет. <...> От бесконечных, ничем между собой не связанных, снимков у читателя начинает просто рябить в глазах. Точно бесконечные листки анкеты, которые не обработаны, из которых не сделано никаких выводов. Это все сырой материал, хранящийся в архивах, в ожидании своих исследователей. Но исследователи вряд ли когда-либо явятся. Опросные листки составлены так бессистемно и случайно, что выводов, полезных для будущего, из них сделать нельзя» [Там же, с. 382–383].<sup>3</sup>

Если говорить об отношении критики к конкретным художественно-документальным жанрам, то остановимся на оценке дневниковой формы. Дневник рассматривался, во-первых, как документ почти в буквальном смысле слова и, во-вторых, как литературный «прием». По предположению Б. М. Козлова, «документу-факту», «документу-картине» реалистической литературы консервативная и символистская журналистика стремится противопоставить дневник как «документ личной жизни» [Козлов, с. 46]. Так, А. Вольтинский в рецензии на роман Г. Сенкевича «Без догмата» обратил внимание на мысль, что дневник – «единственный человеческий документ, которому можно верить» и что «беллетристические произведения будущего примут непременно форму дневника» [Вольтинский, с. 174].

Когда в «Северном вестнике» был опубликован «Дневник Марии Башкирцевой», он был воспринят современниками как «человеческий документ». Так, «человеческим документом» со ссылкой на имя Золя назвал «Дневник» Башкирцевой ведущий народнический критик Н. Михайловский: «Дневник Башкирцевой представляет единственный в своем роде *document humain*, как сказал бы Золя. Подводя итог любому своему дню, каждый человек вспомнит, что кроме главного содержания этого дня <...> у вас мелькали в течение дня в голове разные оборванные мысли, которые нелегко привести в связь между собой и с главным содержанием. <...> Все это, как неведомо откуда приходит, так неведомо куда и уходит, и человек вполне искренний, вполне добросовестный, имеет право <...> игнорировать огромную часть всех этих мимолетностей и смутностей <...>. Башкирцева идет гораздо дальше.

Она заносит в свой дневник самые разнообразные вздоры и мелочи, пережитые в течение дня, и делает это с беспощадностью, поистине удивительно. <...>. Это проистекает из ее твердого решения быть вполне правдивою» (цит. по: [Веселова, с. 379]). Любопытно сопоставление Башкирцевой с Бисмарком в рецензии критика М. Протопопова, отнесшего Марию Башкирцеву «к разряду исторических людей» [Протопопов, с. 183]: «<...> Бисмарк в такой же степени апостол эгоизма, в какой наша Башкирцева – героиня бесплодной суетности и ненасытного тщеславия» [Там же, с. 184]. С этой точки зрения, по мысли критика, «Дневник Башкирцевой является замечательным литературным произведением и даже историческим документом» [Протопопов, с. 191]. А для обозревателя консервативного «Русского вестника» М. Г. Зельманова (выступавшего под псевдонимом М. Ю-ый) поучительность этого «человеческого документа» в том, что «Башкирцева, прежде всего, жертва нашей новейшей истории, жертва той мании „рабского, слепого подражания“ всему европейскому, которая отразилась уже на нас столь печальными последствиями и от которой едва ли еще скоро отделаемся» [Ю-ый, с. 228].

Другой характерный сюжет критики начала XX века связан с проблемой плагиата. Своего рода толчком к нему стало появление 16 июня 1909 г. в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» (№11160, с. 5–6) «письма в редакцию» Мих. Мирова под названием «Писатель или списыватель?», в котором прозвучало обвинение Алексея Ремизова в плагиате, что якобы писатель списал две сказки из книги известного собирателя русского фольклора Н. Е. Ончукова.<sup>4</sup> Как тогда писали, в России распространилось какое-то поветрие на обвинения в плагиате. 3 августа 1909 года на страницах газеты «Речь» К. Чуковский уличил в плагиате Бальмонта, обнаружив в его статье «Певец жизни», которая была опубликована в «Весах» еще в 1904 году, незакавыченные цитаты из книги Джона Симондса об Уитмене. До того, в январе 1909 года, «Биржевые ведомости» опубликовали заметку Ника Картера (О. Л. Оршера), где проводились параллели между рассказом Ф. Сологуба «Снегурочка» и сказкой Н. Готорна «Девочка из снега», а ровно через год в январском номере «Русского богатства» критик А. Редько поместил статью, в которой сличил фрагменты из его «Королевы Ортруды» и романа В. Соссэ «Бессмертный идол». А летом 1909 года в Москве разразился скандал в связи с обвинением Элліса в порче

<sup>3</sup> Нельзя не обратить внимания на ряд ключевых слов критического высказывания («сырой материал», «опросный лист», «лист анкеты» и т. п.).

<sup>4</sup> Подробнее об этом инциденте см.: [Данилова]

книг из собрания Румянцевского музея, продолжавшийся в течение всей осени.<sup>5</sup> Все эти литературные факты так или иначе связаны с проблемой материала литературы, а «а случае Ремизова – это включение в ткань художественного произведения текстов, находившихся за рамками изящной словесности». [Данилова, с. 296]. Следует заметить, что этот вопрос рассматривался и с юридических позиций. В 8-й главе («Нарушение авторского права») монографии известного юриста-цивилиста конца XIX века Г. М. Шершеневича «Авторское право на литературные произведения» говорилось: «Для автора не может быть приятно упоминание о нем, как об авторе, со сторонних лиц, которые, не создавая ничего нового, пользуются в значительной степени его идеями и формой, списывая одни страницы целиком, переделывая другие. Общество не может относиться безразлично к таким писателям. <...> Нарушение этого правила влечет для виновника нравственное воздействие со стороны литературной критики, которой задача в данном случае заключается в том, чтобы открыть обществу действительную ценность трудов подобных деятелей, заклеить их позором <...>» [Шершеневич, с. 276–277]. Вступивший в литературную полемику о плагиате М. Волошин в неопубликованной тогда статье «О плагиате» писал, что «в мире идей нет собственности», что значительные произведения литературы строятся из большого материала, «материалы, из которых строит гений, должны существовать раньше появления гения», а требование «полной самостоятельности ведет к явлению безграмотности» [Данилова, с. 293–299]. Но еще ранее указанных событий проблему плагиата отразила в сатирической форме Н. А. Тэффи, опубликовав в журнале «Звезда» стихотворение «Слово о полку плагиаторов», предварив эпиграфом из «Слова о полку Игореве» «*Не лепо ли ны бяшетъ, братие, / начати старыми словесы...*»

Ввиду неизвестности этого текста приводим его полностью:

Не воспеть ли нам, ребята,  
Славных витязей поход,  
Тех, что в дебри плагиата  
Завели честной народ.  
Много было их отважных  
В этом доблестном труде,  
Уличенных в кражах важных  
И не пойманных нигде...  
Как сравнишь, да считаешь,  
Ясно видишь – плагиат!  
А послушаешь – узнаешь,

Что никто не виноват.  
«Что здесь – просто ль подражанье,  
Раздается их вопрос,  
Сил таинственных влиянье?  
Телепатия? Гипноз?  
Совпадения ли здесь чудо?  
Ты ли у меня списал?  
Оба ль взяли из Талмуда?  
Иль Талмуд нас обокрал?  
Иль на немца басурмана  
Учинили мы набег,  
А добычу из кармана  
Стибрил третий человек?»  
Стонут витязи немало.  
Как им правду отыскать?  
Ни один с лица забрала  
Не желает поднимать!  
Из событий сих сумбурных  
Нам других исходов нет,  
Как чудес литературных  
Констатировать расцвет [Тэффи, с. 486].

Таким образом, литературно-критические суждения конца XIX – начала XX века представляют интерес и как свидетельство новых тенденций в литературной жизни рубежной эпохи (активизация факта, документа, ослабление вымысла и т. п.), и как попытки осмыслить новые творческие поиски в литературе. Критика довольно точно зафиксировала эти процессы, хотя ее отношение к проблеме документализма, вымысла, плагиата было довольно сложным из-за того, что сама литература не представляла однородного явления, а также в силу различных противоречий в самой критике. В критике Серебряного века привлекают внимание и своеобразные прогностические выводы, которые делают ее актуальной и сегодня: споры, которые велись еще в конце позапрошлого века, оказываются удивительно современными, в них можно несомненно заметить сходство сегодняшних и давних суждений о литературе, о возможностях жанров non-fiction и той ситуации, в которой оказывается литература в периоды повышенной активности «документа».

#### Список литературы

- Вересаев В. В.* Сочинения в четырех томах. Том 1. М.: ОГИЗ, 1948. 703 с.
- Веселова Н.* «Человеческий документ» (Материал к истории понятия) // История и повествование. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 372–426.
- Волынский А. Л.* Литературные заметки // Северный вестник. 1890. № 12. С. 173–186.
- Данилова И. Ф.* Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала) // История и повествование. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 279–316.

<sup>5</sup> Факты приведены из указанной статьи ([Там же]).

Ерохина И. В. Дневник как текст русского символизма // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3 (37). С. 98–102.

Завельская Д. А. Очерк // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009 С. 395–436.

Козлов Б. М. Проблема «документализма» в русской журнальной критике 1890-х годов // О художественно-документальной литературе. Иваново: Иванов. ун-т, 1979. С. 38–48.

Крылов В. Н. «Усталость» от вымысла, или о синтезе художественного и документального в литературе Серебряного века // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (30). С. 22–26.

Меньшиков М. О. О литературе и писателях // Книжки недели. 1891. № 11. С. 206–223.

Нольде В. М. В. В. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское кн. изд-во, 1986. 190 с.

Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Литературная биография: документ и способы его включения в текст // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 152–155.

Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза / Учреждение Российской академии наук Институт мировой литературы им. А. М. Горького; науч. редакторы: В. А. Келдыш, В. В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 829 с.

Протопопов М. Ярмарка женского тщеславия // Русская мысль. 1892. № 4. С. 182–183.

Тэффи Н. Слово о полку плагиаторов // Звезда. 1903. № 28–29, 5 апреля. С. 486

Фармаковский Н. В. Врачи и общество. Мысли врача по поводу «Записок врача» Вересаева. СПб., 1902. 151 с.

Философов Д. В. Критические статьи и заметки (1899–1916) / предисл., сост. и примеч. О. А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 680 с.

Шершеневич Г. М. Авторское право на литературные произведения. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1891. 321 с.

Ю-ый М. (М. Г. Зельманов). Человеческий документ. По поводу нового издания дневника и писем М. К. Башкирцевой // Русский вестник. 1892. № 1. С. 225–247.

#### References

Danilova, I. F. (2006). *Pisatel' ili spisyvatel'?* (K istorii odnogo literaturnogo skandala) [A Writer or a Copy-Writer? (On the History of One Scandal)]. *Istoriia i povestvovanie*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 279–316. (In Russian)

Erokhina, I. V. (2014). *Dnevnik kak tekst russkogo simbolizma* [Diary as a Text Type of Russian Symbolism]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 3 (37), pp. 98–102. (In Russian)

Farmakovskii, N. V. (1902). *Vrachi i obshchestvo. Mysli vracha po povodu "Zapisok vracha" Veresaeva* [Doctors and Society. The Doctor's Thoughts about "Notes of a Doctor" by Veresaev]. 151 p. St. Petersburg. (In Russian)

Filosofov, D. V. (2010). *Kriticheskie stat'i i zametki (1899–1916)* [Critical Articles and Notes (1899–1916)]. *Predisl., sost. i primech.* O. A. Korosteleva. 680 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

Iu-yi, M. (M. G. Zel'manov). (1892). *Chelovecheskii dokument. Po povodu novogo izdaniia dnevnika i pisem M. K. Bashkirtsevoi* [Human Document. On a New Publication of M. K. Bashkirtseva's Diary and Letters]. *Russkii vestnik*. No. 1, pp. 225–247. (In Russian)

Kozlov, B. M. (1979). *Problema "dokumentalizma" v russkoi zhurnal'noi kritike 1890-kh godov* [The Problem of "Documentalism" in Russian Journalistic Criticism of 1890]. *O khudozhestvenno-dokumental'noi literature*. Pp. 38–48. Ivanovo, Ivanov. un-t. (In Russian)

Krylov, V. N. (2012). *"Ustalost'" ot vymysla, ili o sinteze khudozhestvennogo i dokumental'nogo v literature Serebriannogo veka* ["Fatigue" of Imagination, or Synthesis of Fiction and Non-fiction in Russian Literature of the Silver Age]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 4 (30), pp. 22–26. (In Russian)

Men'shikov, M. O. (1891). *O literature i pisateliakh* [On Literature and Writers]. *Knizhki nedeli*. No. 11, pp. 206–223. (In Russian)

Nol'de, V. M. (1986). *V. V. Veresaev. Zhizn' i tvorchestvo* [V. V. Veresaev. His Life and Oeuvre]. 190 p. Tula, Priokskoe kn. izd-vo. (In Russian)

Podchinenov, A. V., Snigireva T. A. (2012). *Literaturnaia biografiia: dokument i sposoby ego vklucheniia v tekst* [Literary Biography: A Document and Ways of Its Inclusion into a Text]. *Filologiya i kul'tura*. *Filologiya i kul'tura*. No. 4 (30), pp. 152–155. (In Russian)

*Poetika russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX veka Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* (2009) [Poetics of Russian Literature of the Late 19<sup>th</sup> - Early 20<sup>th</sup> Century. Dynamics of the Genre. Common Problems. Prose]. *Uchrezhdenie Rossiiskoi akademii nauk. Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo; nauch. redaktory: V. A. Keldysh, V. V. Polonskii*. 829 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

Protopopov, M. (1892). *Iarmarka zhenskogo tshcheslaviia* [Women's Vanity Fair]. *Russkaia mysl'*. No. 4, pp. 182–183. (In Russian)

Shershenovich, G. M. (1891). *Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniia* [Copyright in Literary Works]. 321 p. Kazan', Tip. Imp. un-ta. (In Russian)

Teffi, N. (1903). *Slovo o polku plagiatorov* [A Story about the Regiment Plagiariats]. *Zvezda*. No. 28–29, 5 April, p. 486. (In Russian)

Veresaev, V. V. (1948). *Sochineniia v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Tom 1. 703 p. Moscow, OGIZ. (In Russian)

Veselova, N. (2006). *"Chelovecheskii dokument" (Material k istorii poniatii)* ["Human Document" (Material on the History of the Concept)]. *Istoriia i povestvovanie*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 372–426. *Severnyi vestnik*. No. 12, pp. 173–186. (In Russian)

Zavel'skaia, D. A. (2009). *Ocherk* [An Essay]. *Poetika russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza*. Pp. 395–436. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

The article was submitted on 26.06.2018  
Поступила в редакцию 26.06.2018

**Крылов Вячеслав Николаевич,**  
доктор филологических наук,  
профессор,  
Казанский федеральный университет,  
420008, Россия, Казань,  
Кремлевская, 18.  
krylov77@list.ru

**Krylov Viacheslav Nikolaevich,**  
Doctor of Philology,  
Professor,  
Kazan Federal University,  
18 Kremlyovskaya Str.,  
Kazan, 420008, Russian Federation.  
krylov77@list.ru